Е. В. ИЛЮШЕЧКИНА

Илюшечкина Екатерина Викторовна
кандидат исторических наук, PhD
доцент, старший научный сотрудник,
ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (495) 433-25-62
E-mail: ilyushechkinae@gmail.com

Риторика севера и имперская этногеография Страбона

Аннотация. В статье прослеживаются становление и функционирование в «Географии» Страбона стереотипов и риторических клише, связанных с «античным севером», которые ко времени создания этого произведения распространились в кругах римской политической элиты. Последнее повлияло на общественные ожидания подданных Римской империи. Понятие «античный север» — часть общей картины мира и включает в себя не только круг этногеографических и политических представлений римлян, но и их повседневную практику, и тесным образом связано с северными по отношению к Средиземноморью регионами Европы — от Галлии, через земли Германии и до черноморского побережья с прилегающими областями. С одной стороны, в случае «Географии» перед нами собрание маркирующих элементов, структурирующих пространство ойкумены (топонимы, этнонимы, гидронимы и т. п.) предшествующего, по преимуществу эллинистического, времени, с другой — используемые Страбоном методы компиляции отражают политические тенденции эпохи Августа. Цель статьи — показать, что «северные» стереотипы и риторические клише в «Географии» Страбона не только отвечали политическим настроениям, интересам и нормам режима Августа, тем самым оказывая влияние на отдельные дискурсы, но и использовались в качестве инструмента имперской идеологии для обоснования легитимной власти Рима.

Ключевые слова: Страбон, география, политика, риторика, античный север

В статье я намерена проследить становление и функционирование в «Географии» Страбона связанных с «античным севером»[1] стереотипов и риторических клише, которые ко времени создания этого произведения

[1] О формировании понятий «античный север» и «северного» пространства в эпоху классической Греции и раннего эллинизма см. монографию [Rausch 2013].

© Е. В. ИЛЮШЕЧКИНА

сформировались и распространились в кругах римской политической элиты, что повлияло на общественные ожидания подданных Римской империи. С одной стороны, в случае «Географии» перед нами собрание маркирующих элементов, структурирующих пространство ойкумены (топонимы, этнонимы, гидронимы и т. п.) предшествующего, по преимуществу эллинистического, времени, с другой — используемые Страбоном методы компиляции отражают политические тенденции эпохи Августа. Цель статьи — показать, что «северные» стереотипы и риторические клише в «Географии» Страбона не только отвечали политическим настроениям, интересам и нормам режима Августа, тем самым оказывая влияние на отдельные дискурсы, но и использовались в качестве инструмента имперской идеологии для обоснования легитимной власти Рима.

Предыстория проблематики исследования

Тема экзистенциальной угрозы для Рима, исходящей с севера, была введена в современный академический дискурс Г. Белленом [Bellen 1985]. В своей работе Беллен анализирует устойчивый комплекс — «страх/ужас» римлян, впервые столкнувшихся с нашествием кельтских (галльских) племен в 387/390 гг. до н. э., что отразилось в культурной политике Рима в III–II вв. до н. э. (в основном в период Пунических войн). Беллен связывает этот комплекс с так называемым концептом metus hostilis («страх/ужас перед внешним врагом») в античной историографии[2], исследуя это явление на основе конкретного материала религиозных практик периода Римской республики. В рассмотренных Белленом источниках, отражающих военно-политическую ситуацию на рубеже III–II вв. до н. э., которая, по мысли автора работы, связана с религиозно мотивированным «страхом/ужасом», Белен видит вполне достоверные свидетельства реального страха, испытанного римлянами перед лицом внешнего врага, а вовсе не вымышленные примеры из исторического прошлого Рима.

Исследование темы «страха / ужаса» римлян перед нашествием галлов отчасти продолжено в монографии А. Кнеппе, посвященной общественно-политической жизни в ранней Римской империи [Knepppe 1994]. На основе литературных, эпиграфических и нумизматических источников в книге прослеживаются динамика «страха / ужаса», его социально-психологические функции в контексте политических отношений между императором и его окружением в I–II вв. н. э.[3] Несколько разделов монографии Кнеппе посвящено рассмотрению феноменов metus hostilis и metus gallicus: автор книги отмечает, что «страх/ужас» римлян перед рассеянными на огромном пространстве галлами и германцами представлял для Рима долговременную угрозу — в отличие от «страха/ужаса» перед пунами и Карфагеном, который ассоциировался в сознании римлян с определенным местом и тем самым был преодолен в ходе одержанной Римом победы[4].

[2] В соответствии с изложенным автором книги положением о доминирующем «страхе/ужасе» перед внешней угрозой, нашедшем отражение в произведениях Фукидида, Полибия, Варрона, Саллюстия (Cat. 10, 1; Iug. 41, 2). Ср. [Heldmann 1993: 9–11; Lefèvre 2004].

[3] Помимо упомянутой монографии Кнеппе см. близкие ей по тематике филологические работы: [Wolff-Rüdiger 1975; Mastellone 1989].

[4] См.: [Knepppe 1994: 53–57], где обосновывается положение о том, что истоки феномена социально-политического «страха/ужаса» времен Римской империи коренятся в исторической почве республиканского Рима.

Следует также упомянуть исследование К. Николе, в котором подробно анализируются способы восприятия римлянами географического пространства ранее неизвестных и завоеванных ими территорий, а также приемы использования географических знаний и навыков в имперской пропаганде [Nicolet 1988: особенно 265–290]. Николе касается вопросов военно-политической экспансии императорского Рима и проблем легитимности римской власти на вновь захваченных территориях (прежде всего основываясь на «Деяниях Августа», или Res Gestae, а также на свидетельствах Плиния Старшего и Тацита о морских экспедициях римлян вдоль побережья Северного океана к устью Эльбы и полуострову Ютланд). Представляется важным, что Николе исследует совокупность географических представлений римлян об окружающем мире в тесной связи с военно-политическими устремлениями администрации Римской империи[5].

С течением времени концепт metus hostilis (и схожие с ним варианты metus punicus и metus gallicus) стал общим местом римской историографии и одним из важных элементов при интерпретации такого сложного исторического явления, как кризис Поздней Римской республики: в качестве пропагандистского лозунга metus hostilis служил в свое время единению и укреплению республиканского Рима, в то время как ослабление значимости этого лозунга хронологически совпало с эскалацией конфликтов внутри самого римского общества и — как результат — с возникновением гражданской войны, повлекшей кризис Поздней Римской республики.

Metus septentrionalis

Отталкиваясь от модели понятия metus hostilis (т. е. «страх/ужас перед внешним врагом»), я бы хотела расширить рамки исследования и предложить для научного дискурса новый концепт. Речь идет о «страхе/ужасе перед севером» (metus septentrionalis) в качестве топоса в расширенном и обобщающем значении в контексте переходного периода от римской республики к принципату[6]. В качестве топоса может выступать любой повторяющийся элемент греческого или латинского текста античной эпохи, связанный с понятием metus septentrionalis, например «общие места», стереотипы и клише, устойчивые мотивы, трафаретные формулы и т. п. Естественно, доминирующая в античном тексте литературная топика подобного рода обусловлена риторическим стилем и пронизана высказываниями в риторическом духе.

---

[5] Несколько другое направление в раскрытии темы «Рим и север» встречаем в работах, посвященных вопросам противоборства между римским государством и германскими племенами. В связи с этим здесь следует обратить особое внимание на публикации Д. Тимпе (например: [Timpe 1968; 1995; 2006]), А. А. Лунда и Р. Полито (например: [Lund 1990; 1995: 4–20; 1996: 12–23; 1998; 2001: 29–45; Polito 2012: 107–126]). Эти работы содержат важные наблюдения и критические замечания по поводу военного противостояния римлян и германцев, однако представляют собой сугубо частные исследования, посвященные рассмотрению конкретных исторических событий.

[6] О проблематике, связанной с понятием «топос», см. подробно: [Curtius 1948: 89–115; Lausberg 1960: 740; Veit 1963: 120–163; Obermayer 1969: 107–116; Bornscheuer 1976; Pöggeber 1978].

Мой замысел состоит в том, чтобы исследовать литературную топику античных авторов рубежа I в. до н. э. — I в. н. э., объединенную темой европейского севера и населяющих его народов и связанного с ними «страха/ужаса», отложившегося в культурной памяти римлян[7]. Иными словами, я намерена детально рассмотреть концепт metus septentrionalis в двух его аспектах: во-первых, проанализировать риторические стереотипы и идеологически окрашенные «общие места» в античной нарративной традиции I в. до н. э. — I в. н. э., которые связаны с темой севера и «страха/ужаса» перед севером, а также устойчивые мотивы официальной пропаганды, оказавшей влияние на общественные слои Рима периода раннего принципата; во-вторых, я намерена рассмотреть какие-либо проявления риторических стереотипов и повторяющихся мотивов в планах и действиях римской администрации, направленных на упрочение легитимности власти Рима по отношению к северным территориям и к населяющим их галлам, германцам и скифам.

Я бы хотела специально подчеркнуть, что в задачи настоящей статьи и исследования в целом не входит анализ конкретных исторических событий о военно-политическом противостоянии между римлянами и племенами и народами северных территорий античной Европы. Основную цель я вижу в выявлении риторических способов и механизмов, с помощью которых античные авторы создавали в своих произведениях изображения подобных событий, испытывая при этом влияние современной им политической конъюнктуры[8]. Представляется важным не только исследовать содержание литературной топики, ее развитие и эволюцию, но и включить ее наиболее значительные элементы (образы, сравнения, мотивы, устойчивые формулы, переклички, аллюзии, цитаты и прочие разновидности интертекстуальных связей) в социально-политический контекст, обусловивший их происхождение и функционирование.

Условно-риторические описания «севера» в «Географии» Страбона представляются важным материалом для выявления подобных устойчивых формул и нарративных моделей, которые позволяют проследить используемые автором способы визуализации, что, в конечном счете, будет способствовать нашему пониманию концепта metus septentrionalis в историческом контексте внешней и внутренней политики Рима в период правления Августа и Тиберия.

Источники и контексты Страбона

Среди исследователей не затихает дискуссия о том, когда именно Страбон завершил свою географическую компиляцию, посвященную описанию известной тогда ойкумены, и было ли произведение Страбона написано в один присест или же имело несколько редакций[9]. Большинство ученых согласны с

[7] О проблеме культурной памяти в Римской империи см. один из последних сборников статей, изданных в рамках международного проекта Memoria Romana (Max-Plank-Institut; AvH-Stiftung) под руководством профессора Карла Галински [Galinsky, Lapatin 2015].

[8] Ср.: «maintaining the past with the imperatives of the present» [Galinsky 2014: 5].

[9] Из текста «Географии» хорошо известно, что Страбон неоднократно совершал поездки в разные страны и часто писал о том, что видел собственными глазами (ср., например, Strabo II 5, 10 C 117; X 5, 3 C 485; XVII 1, 29 C 806, и др.). Тем не менее большáя доля текста Страбона содержит выписки и цитаты из письменных источников. Помимо своих основ-

тем, что работу над «Географией» Страбон завершил на склоне лет в 18–24 гг. [Dueck 2000: 145–154]. Таким образом, в своем произведении, «датируемом временем правления Тиберия, однако тематически относящемся ко времени правления Августа» [Ibid.: 151], Страбон воссоздает картину мира и северных регионов Европы, сообразуясь с геополитическими идеями современной ему ранней Римской империи (ср.: [Braund 2005a: 216]).

От какого представления севера отталкивается Страбон в своем описании? Каким был образ севера и северных народов в его время? Впервые Рим столкнулся с феноменом «севера» и с «народами севера» в связи с вторжением кельтских племен в IV в. до н. э.; затем Риму пришлось пережить нашествие германских племен кимвров и свевов во II в. до н. э.; в I в. до н. э. последовали войны между римлянами во главе с Цезарем и племенами галлов и германцев, а в I в. н. э. — войны между Римом под началом Августа и германскими племенами. Первые, исторически достоверные столкновения римлян с племенами «северян» произошли, по мнению большинства исследователей, в 387 г. до н. э. (или в 390 г. до н. э., согласно свидетельству Варрона) на их собственной территории, в непосредственной близости от метрополии на Тибре, что вызвало в Риме «страх и ужас» перед огромным и прежде незнакомым римлянам пространством, заселенном дикими племенами варваров [Peyre 1970]. Тем не менее литературные описания той исторической ситуации возникли в трудах античных авторов лишь столетия спустя и стали известны нам прежде всего благодаря произведениям Катона Старшего, Полибия и Тита Ливия[10]; особенно сильное впечатление производят риторически оформленные описания Ливия — современника Страбона, с характерным для писательской манеры этого историка использованием трафаретных формул и «общих мест» (Liv. V 33–39). Однако почему же Ливий, как, впрочем, и другие античные авторы, описывает конкретную историческую ситуацию именно таким образом? Следует ли сообщаемые ими сведения о нашествии кельтов/галлов рассматривать в качестве отголоска исторически достоверного в прошлом «страха/ужаса» или же вымышленного и облеченного в риторическую форму повествования, под завесой которого скрыт правдивый рассказ о нашествии кельтов/галлов? Может быть, переходный период нуждался в героической легенде о римском национальном характере, способном в постоянной борьбе против экзистенциальной угрозы обеспечить Риму мировое господство? Или же

ных источников — Эратосфена Киренского, Посидония Родосского и «основоположника географии» Гомера, Страбон использовал хронологически разнородные сведения почти двухсот авторов. Творческий характер его географической компиляции обусловлен разного рода особенностями: например, многие пассажи Страбона стали в большой степени пересказом источников, некоторые тексты источников сокращены, другие — дополнены (нередко за счет собственных наблюдений Страбона). Подробнее см.: [Грацианская 1988; Engels 1999; 2010; van der Vliet 2003: 501–504; Dueck 2000; 2005].

[10] Подробные описания столкновения с галлами встречаем у Диодора Сицилийского, Тита Ливия и Плутарха; кроме этого, представляют интерес версия Помпея Трога, дошедшая в пересказе Юстина, краткое упоминание у Плиния Старшего, фрагменты из «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского и дошедшая в отрывках «Римская история» Аппиана (глава «Кельтика»). Об античных источниках республиканского времени, посвященных вторжению кельтских племен на территорию Италии, см.: [Williams 2001: особенно 100–184].

Ливий, так же как и его современник Страбон, ко времени жизни которых Галлия уже давно стала римской провинцией, осознанно прибегают к риторизации своего текста, чтобы с использованием риторической техники нагляднее изобразить «диких» и «брутальных» северных варваров в контексте идеологически и политически обусловленной ситуации их времени?

Примечательна подчеркнутая Ливием изначальная локализация галлов, напавших на Рим: «от Океана, от самого края мира» (Liv. V 37, 1)[11]. Схожее описание местонахождения галлов находим в плутарховой биографии Камилла, где упоминается Гераклид Понтийский, младший современник исторических событий, который, вероятно, от себя писал о тех же галлах. Так, он сообщает, что «с запада докатилась молва, будто издалека, от гипербореев, пришло войско и захватило город Рим» (Plut. Cam. 22)[12]. Таким образом, для описания внешних врагов Рима используются мифологические клише, связанные со стороной заката солнца и потусторонним миром. Благодаря отсылкам к мифологии и красочным преувеличениям враги Рима наделяются почти сверхчеловеческими чертами: что же это за удивительный народ, который преодолел необозримые пространства, оставаясь полным сил и боевого духа?! Кажется, словно весь север напал на Рим, словно вся природа севера наступает на Рим. В этой связи возникает другой вопрос: насколько специфичен этот изначальный мотив «страха/ужаса» римлян перед кельтами/галлами IV в. до н. э.? Существовало ли в реальности для римлян различие между кельтами, германцами и скифами, или же речь в нарративных источниках шла об общем для римлян «страхе/ужасе» или о риторическом «удивлении» (admiratio) перед севером в целом?

Впервые галлов и германцев различает Юлий Цезарь и тем самым превосходит уровень сведений Посидония Родосского (который, по-видимому, их еще не отличал друг от друга) (Caes. BG I 1). Однако Цезарь проводит это различие не с этнографической, а с географической точки зрения: он отличает правобережных германцев и тем самым стремится обозначить для сенаторов в Риме проведение четкой границы провинции Галлии и одновременно про-

[11] «Уже надвигалась громада беды, уже от Океана, от самого края мира приближался с войной невиданный и неслыханный враг ‹…›. Галлы ‹…› подняли знамена и спешным маршем выступили в путь. При виде их стремительно проходящих полчищ жители городов в страхе бросались к оружию, а поселяне разбегались. Однако галлы громкими криками возвещали, что идут на Рим. Двигавшиеся колонны занимали огромное пространство; массы людей и лошадей растянулись и в длину, и в ширину. Впереди врагов неслась молва о них, за ней спешили вестники от клузийцев, а потом и от других народов поочередно — и все же наибольший страх вызвала в Риме стремительность неприятеля: вышедшее ему навстречу наспех собранное войско, как ни торопилось, встретило его всего в одиннадцати милях от города, там, где река Аллия, по глубокой ложбине сбегая с Крустумерийских гор, впадает в Тибр несколько ниже дороги. Не только впереди, но и вокруг все уже было полно врагов. Галлы и вообще по своей природе склонны производить бессмысленный шум, а тогда весь воздух был наполнен леденящими душу звуками: это варвары издавали дикие крики и горланили свирепые песни» (Liv. V 37, 1, пер. С. А. Иванова).

[12] «Гераклид Понтийский, который жил вскоре после этого (кельтского нашествия на Рим. — *Е. И.*), пишет в книге “О душе”, что с запада докатилась молва, будто издалека, от гипербореев, пришло войско и захватило греческий город Рим» (Plut. Cam. 22, пер. С. П. Маркиша). Ср.: [Bridgman 2005: 87].

демонстрировать, что он, Цезарь, при желании может эту границу перейти[13]. Благодаря «Запискам о галльской войне» Юлия Цезаря мы получаем первые в латинской литературе аутентичные сведения о северных территориях, которые стали также важным источником для IV книги Страбона, посвященной описанию Галлии, Британии и альпийского региона[14]. На примере текста Цезаря можно легко проследить механизмы трансформации этногеографических сведений в политическую стратегию и идеологию: с одной стороны, Цезарь стремится оправдать перед сенатом собственные действия в Галлии, с другой — как раз в результате развязанной им войны зародились и сформировались представления римлян о политических отношениях с недавно захваченными северными территориями.

Чтобы придать легитимность своим действиям в Галлии, Цезарь обыгрывает внутриполитическую ситуацию и события римского прошлого, используя мотив изначального «страха/ужаса» римлян перед галлами (Caes. BG I 33, 3–4; ср. Tac. Germ. 37)[15]. В контексте ярких ассоциаций с кимврами видно, что Цезарь словно примеряет на себя роль нового Мария, в то время как Цицерон примерно в то же время в речи «О консульских провинциях» даже преуменьшает значимость Мария, возвеличивая Цезаря[16]. Менее чем за одно десятилетие Цезарь завоевывает весь галльский регион вплоть до Рейна; кроме того, Цезарь открывает две до того практически неизвестные Риму территории — Британию и Германию. Благодаря этому Цезарь навсегда остается в римской историографии в качестве победителя северных варваров, и даже более того: можно сказать, что он одержал победу над изначальным metus gallicus, а не только над самими галлами (ср.: Cic. Prov. con. 34)[17]. Иными

[13] «Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут бельги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами ‹…›. Самые храбрые из них — бельги, так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собой изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны. По этой же причине и гельветы превосходят остальных галлов храбростью: они почти ежедневно сражаются с германцами, либо отбивая их вторжения в свою страну, либо воюя на их территории» (Caes. BG I 1, пер. М. М. Покровского).

[14] Подробнее о том, использовал ли Страбон «Записки о галльской войне» Цезаря или же довольствовался «посредником» более позднего времени, возможно, произведением Тимагена Александрийского, см.: [Klotz 1910: 69–75; Norden 1920: 371; Laqueur 1936: 1069; Honigmann 1931: 103; Barwick 1938; Bömer 1953: 210–250; Aly 1957: 281–309; Dirkzwager 1975; Dueck 2000: 182–183].

[15] «Далее он (Цезарь. — *Е. И.*) понимал, что для римского народа представляет большую опасность развивающаяся у германцев привычка переходить через Рейн и массами селиться в Галлии: понятно, что эти дикие варвары после захвата всей Галлии не удержатся — по примеру кимвров и тевтонов — от перехода в Провинцию и оттуда в Италию» (Caes. BG I 33, пер. М. М. Покровского).

[16] «Даже знаменитый Гай Марий, чья ниспосланная богами исключительная доблесть пришла на помощь римскому народу в скорбное и погибельное для него время, уничтожил вторгшиеся в Италию полчища галлов, но сам не дошел до их городов и селений» (Cic. Prov. con. 32, пер. В. О. Горенштейна).

[17] «Не без промысла богов природа некогда оградила Италию Альпами; ибо если бы доступ в нее был открыт для полчищ диких галлов, наш город никогда не стал бы обиталищем и оплотом великой державы. А ныне Альпам можно опуститься: по ту сторону этих высоких гор, вплоть до Океана, уже не существует ничего такого, что могло бы грозить Италии» (Cic. Prov. con. 34, пер. В. О. Горенштейна).

словами, Цезарь словно задал политическую модель взаимоотношений с северными территориями, на которую вынуждены были равняться последующие правители Рима.

Образ севера у Страбона

В начале имперского периода функции концепта metus septentrionalis претерпевают изменения. С одной стороны, можно говорить о трансформированной роли политики в римском обществе: гражданское самосознание замирает в период ранней империи, власть концентрируется в руках принцепса, в обязанности которого, помимо всего, входит и решение вопросов, касающихся северных, недавно завоеванных территорий. С другой стороны, в связи с расширением границ империи и увеличением информации об отдаленных северных областях «страх/ужас» римлян перед севером несколько редуцируется. Писатели времени правления Августа, касаясь, в частности, «северной» тематики, обращаются чаще не к сфере политического красноречия (что свойственно республиканскому периоду), а к зародившейся еще в эпоху эллинизма тенденции акцентировать внимание читателей на всем загадочном и необычном, что связано в литературе с описанием mirabilia и παράδοξα, «удивительного» и «сверхъестественного»[18].

Этнографические экскурсы «Географии» Страбона включают в себя многочисленные сведения о необычных особенностях далекого от Средиземноморья природного мира севера, о странном, порой удивительном образе жизни обитателей северных регионов античной Европы. Схожим образом в описаниях других авторов эпохи раннего принципата, наследующих эллинистические традиции парадоксографов — у Помпония Мелы, Плиния Старшего и Тацита, — представлена «северная» тематика: ландшафт, растительный и животный мир севера, населявшие северные области народы и племена.

Наряду с использованием источников, по большей части эллинистического времени, Страбон неоднократно включает в «Географию» сведения о северных территориях и народах, прежде неизвестных римлянам, тем самым создавая благоприятное для Рима, но в основе своей эллинистическо-греческое изображение августовской мировой гегемонии (ср.: [Engels 1999: 14]). Географически север ойкумены, по словам Страбона, «простирается до самых крайних пределов Скифии или Кельтики» (I 1 13 C 7, здесь и далее пер. Г. А. Стратановского), начиная от широтной параллели, на которой расположены устье Борисфена (современный Днепр) в восточной части ойкумены и остров Иерна (современная Ирландия) в западной части ойкумены, и простираясь далее на север на 4000 стадиев (II 1 13 C 72)[19]. Помимо этого, Страбон выводил де-

[18] Подробнее о παράδοξον в литературе ранней Римской империи см:. [Giannini 1964; Schepens, Delcroix 1996; Hardie 2009; Pajón Leyra 2011]. В данном случае имеются в виду литературные пассажи с риторическим описанием невероятных историй и фактов; не путать с логическими парадоксами стоиков (см., например: Cic. Stoic. paradox. 1; Cic. de fin. IV 74; Sen. Ep. 81, 11; 87, 1 и др.), которые по-латыни обозначаются словом (ad)mirabile, реже — inopinatum.

[19] Примечательно, что Страбон дважды использует этноним Κελτοσκύθαι («кельтоскифы») (ср. Plut. Mar. 11, 5): в I 2, 27 C 33 Страбон отмечает, что, согласно древним авторам, жителей северных стран называли «скифами», позже к северным народам стали причис-

ление климатических поясов (κλίματα и βίοι), опираясь на один из основных своих источников по северу — на тексты Посидония Родосского, который по окончанию войн римлян с кимврами не единожды побывал в Кельтике (т. е. в Галлии) и оставил подробное описание местных природных особенностей[20]. Например, вслед за Посидонием Страбон пишет о воинственном характере и дикости кельтов, которые проявляются сильнее и ярче по мере удаленности этих племен от Средиземноморья: «всегда племена, живущие дальше к северу и вдоль побережья Океана, более воинственны» (IV 4, 2 C 196). Проявление возрастающей «дикости» по мере удаления местожительства к северу от умеренного пояса объясняется не только суровостью северного климата, но и характерными особенностями самого населения: в отличие от греков и римлян, большинство северных народов вели кочевой образ жизни, т. е. не считались с принятыми у римлян установками, постоянно нарушая территориальные границы и предписанные нормы, что требовало от римских властей ответных мер.

Важным компонентом этногеографических сведений Страбона о населяющих европейский север народах стали заимствованные у эллинистических писателей стереотипы и клише в изображении внешнего облика, образа жизни и обычаев варварских племен, что в целом воссоздает у читателей «Географии» условно-риторический образ северного «перевернутого мира» (ср.: [Грацианская 1988: 127–135; Rausch 2013: 195]). В случае Страбона эта «риторизация» текста, заключающаяся, например, в типических характеристиках некоторых кельтских и германских племен с их «дикостью» и «жестокостью» (что было свойственно эллинистической нарративной традиции), вполне соответствует общественно-политическим оценкам периода раннего принципата. Ставшие привычными на рубеже веков литературные стереотипы о населявших северные окраины ойкумены народах (кельтах, германцах, скифах) достались Страбону «в наследство» от его предшественников (ср. упомянутых выше Ливия и Цезаря, а также описания Посидония Родосского, Катона Старшего, Полибия). Вместе с тем нельзя не отметить, что свойственный прежде литературе республиканского Рима «страх / ужас» перед внешним врагом вытеснен у Страбона и замещен в «Географии» идеей об универсальности Римской империи, где власть принцепса, действующего от лица римского народа, распространяется — конечно же, в полном согласии с принципом легитимности — на все пространство ойкумены, в том числе и на северные территории, а также на населяющие их народы[21]. Риторическая похвала Италии у Страбона (VI 4, 1 C 287),

лять еще и «кельтов» на северо-западе или же называть северных жителей составным этнонимом «кельтоскифы», а в XI 6, 2 C 507 Страбон ссылается на безызвестных древнегреческих историков, которые называли все северные народности общим именем «скифы или кельтоскифы»; более подробно см.: [Dobesch 1995: 53–58; West 2002: 439; Braund 2005b: 7]; ср.: [Rausch 2013: 166–167, n. 385].

[20] О Посидонии как источнике «Географии» см.: [Sherwin-White 1967: 1–13; Thollard 1987; Engels 1999: 166–201; Dueck 2000: 180–186; Prontera 2016: 248].

[21] См. VI 4, 1–2 C 287–288: «[Италия] не только приспособлена самой природой к владычеству от того, что превосходит окружающие страны своими достоинствами и размерами территории, но также в силу своей близости к ним легко может добиваться повиновения ‹…› [римляне], владея этой страной, превратили ее в опорный пункт для владычества над всем миром ‹…› [римляне] оказались до некоторой степени вынужденными расширить

тематически и даже словесно повторяющая аналогичные экскурсы Витрувия, Дионисия Галикарнасского, а также поэтов раннего принципата, показывает, что Италия, как и ее столица Рим, географически занимающие центральное, т. е. климатически умеренное и наилучшее положение между севером и югом, имеют все основания для политического управления «кругом земель»[22], а в этом контексте и отдаленные северные племена оказываются «замиренными», как и их территории, включенные отныне в состав империи.

Следует также упомянуть и о том, что Страбон, рассказывая о нынешнем положении дел, неизменно дистанцируется от событий и фактов прошлых времен, используя при этом устойчивые формулы: «прежде / в давние времена» (πρότερον) дикие и воинственные варвары (например, в Провинции и северной Галлии) «теперь / в наше время» (νῦν) сменили кочевой и разбойничий образ жизни на занятие сельским хозяйством и земледелием и осознают преимущества римской цивилизации[23]. В соответствии с эллинистической

пределы своей страны за счет покорения соседних областей ‹…›. Всю Кельтику, как по эту сторону Альп, так и заальпийскую, вместе с Лигурией, [римляне] сначала присоединяли частично и постепенно, впоследствии же Божественный Цезарь, а после него Август покорили раз и навсегда в общей войне. Теперь римляне ведут войну против германцев, выступая из этих [кельтских] областей как наиболее удобных операционных баз, и уже успели возвеличить свое отечество несколькими триумфами над врагами ‹…›. Что касается самой Италии (хотя ее нередко раздирала борьба партий, по крайней мере, со времени установления власти римлян) и что до самого Рима, то совершенное государственное устройство и доблесть властителей помешали им дальше идти гибельным путем заблуждения. Трудное дело, впрочем, управлять такой обширной империей иначе, чем вверив ее попечению одному лицу как отцу. Во всяком случае никогда раньше римляне и их союзники не наслаждались столь продолжительным миром и таким изобилием благ, как при цезаре Августе, с того времени, как он получил неограниченную власть. И теперь его сын и наследник Тиберий дарует им [такие же блага], так как он подражает Августу в своем управлении и распоряжениях; это же делают и его дети — Германик и Друз, помогающие отцу». Ср.: I 1, 16 C 9. Подробнее см.: [Nicolet 1988: 123; Dueck 2003: 211–220; 2010: 236–251].

[22] Ср.: Vitr. VI 1, 10–11: «Поэтому раз все это природой так устроено в мире и племена отличаются неуравновешанными темпераментами, то правильно расположенными в центре мира пределами, посредине пространства всего земного круга и его областей, обладает народ римский ‹…› Италия ‹…› обладает уравновешанными и непревзойденными достоинствами ‹…› Так, божественный ум поместил государство римского народа в превосходной и уравновешанной стране для того, чтобы он получил власть над земным кругом» (Ita divina mens civitatem populi Romani egregia temperataque regione conlocavit, ut orbis terrarum imperii potiretur) (пер. Ф. А. Петровского); Dion. Hal. I 3, 3: «Рим правит надо всей землей, куда только можно дойти и где только обитают люди ‹…› будучи первым и единственным из тех городов, что с древнейших времен сохранились в памяти, установив границами своей державы место восхода и захода солнца»; Dion. Hal. I 36–37: «И если кому-либо ‹…› захотелось бы удостовериться в достоинствах страны [Италии] ‹…› то он не обнаружил бы ничего удобнее данного края. Ибо при сравнении его с каким-либо другим такого же размера — не только в Европе, но и на прочих частях мира, то наилучшей, по-моему, окажется Италия ‹…› я убежден, что Италия изобилует всем полезным в сравнении с любой другой страной» (пер. И. Л. Маяк). См. также: [Clarke 1999: 212 sqq.] — на основе анализа текста «Географии» автор книги показывает, что картина мира Страбона теснейшим образом связана с пропагандируемой имперской властью идеологией; ср.: [Dueck 2000: 101 sqq.].

[23] «В настоящее время они [галлы] вынуждены заняться земледелием, оставив оружие. Это я говорю вообще о всей Кельтике по ту сторону Альп» (IV 1, 2 C 178); «…теперь, однако, все подвластно римлянам» (IV 3, 2 C 192); «теперь все они [галлы] живут в мире, так как, будучи порабощенными, вынуждены жить по предписаниям их покорителей — римлян» (IV 4, 2 C 195) и др. См. также: [Грацианская 1988: 128–130; Swain 1996: 65–100 (глава «Past and present»)].

традицией Страбон в основном характеризует северные народы с помощью постоянных эпитетов и клише (таких как «огромный», «дикий», «грубый» и т. п.). Таким образом, видно, что используемый Страбоном набор условных эпитетов в описании варваров весьма ограничен — десятки упомянутых в «Географии» народностей наделяются в результате одними и теми же характеристиками, что лишний раз поддерживает систему стереотипных элементов в изображении северных варваров.

В то же время в «Географии» образ севера дополнен историческими подробностями из недавнего прошлого Рима: так, «чужие» географические локусы в Кельтике, Германии и Британии соотносятся у Страбона с местами побед римского оружия ради того, чтобы придать недавно завоеванным римлянами северным территориям статус легитимности и наделить их национальной идентификацией[24].

Прежний, привнесенный извне «страх / ужас» перед северными варварами в качестве политического мотива уступает у Страбона риторическому «удивлению» (admiratio) перед суровым климатом и необычной природой европейского севера. Непрекращающиеся дожди, густые туманы и острая нехватка солнечного света и тепла — доминирующие мотивы при описании северного пространства ойкумены и образа жизни туземцев[25]. Этот аномальный климат и соответствующий ему убогий ландшафт страны «живущих вблизи холодного пояса» варваров не только определяют стереотипные черты местного населения[26], но и выполняют роль маркера в изображении севера, а также косвенно отсылают к прошлой потенциальной угрозе для Рима, изначально связанной с краем света (см. также: [Nenninger 2001; Rausch 2013: 198–200]).

[24] «…река Сульга сливает свои воды с Роданом вблизи города Ундалума, где Гней Домиций Агенобарб в большом сражении обратил в бегство много мириад кельтов ‹…› В том месте, где сходятся реки Исар и Родан с горой Кемменом, Квинт Фабий Максим Эмилиан меньше чем с 30 тысячами разбил 200 тысяч кельтов» (IV 1, 11 С 185); «Этот город [Алесия] расположен на высоком холме, хотя он окружен горами и двумя реками. Здесь не только был взят в плен предводитель [мандубиев], но и война была окончена» (IV 2, 3 С 191); «Здесь [т. е. в Итии, гавани Кельтики] Божественный Цезарь устроил свою верфь, когда направлялся в Бреттанию» (IV 3, 3 С 193), ср. «Итий, которым воспользовался как якорной стоянкой Божественный Цезарь для переправы на остров [Бреттанию]» (IV 5, 2 С 199).

[25] «У них [жителей побережья Бреттании] чаще идут дожди, чем снег, и даже в погожие дни туман держится так долго, что за целый день солнце видно только 3 или 4 часа около полудня. Эти [явления] происходят и у моринов, менапиев и их соседей» (IV 5, 2 С 200); о северном острове Туле со ссылкой на Пифея из Массалии: «у них [жителей Туле] не бывает ясных солнечных дней» (IV 5, 5 С 201); в описании Альп: «огромные кручи, иногда лежащие над дорогой, а иногда падающие на нее, почему даже один неверный шаг несет с собой неизбежную гибель в бездонной пропасти… неустранимы также огромные пласты льда, сползающие сверху, способные преградить путь целой группе путешественников и низвергнуть их в зияющие бездны ‹…› похожие на лед снежные массы громоздятся друг на друга, и слои снега на поверхности время от времени легко отрываются от нижних» (IV 6, 6 С 204; ср. IV 6, 2 С 202; IV 6, 5 С 203).

[26] См., например, перечисление вполне достоверных природных особенностей северных территорий — болот, подлеска, кустарника и т. п. — в качестве символического ландшафта: «…в болотах и лесах, невысоких, но густых и колючих» (IV 3, 4 С 194 — о местах пребывания германских племен менапиев; «[область моринов] покрыта густым, невысоким лесом ‹…› во время вражеских нападений жители [моринов] сплетали ветви ивового кустарника, поросшего колючками и, таким образом, закрывали доступ врагу» (IV 3, 5 С 194 — о моринах, соседствующих с менапиями и обитающих на северном побережье океана «вплоть до устья реки Секваны»).

Исключением «замиренного» изображения севера являются германские племена кимвров, которые «получили известность от войны с римлянами» (VII 1, 4 C 291). Прежде всего мы узнаем о кимврах, что «одни рассказы о них неточны, а другие — совершенно невероятны» (VII 2, 1 C 292); их «необычный» образ обнаруживает черты, которые роднят их с гомеровскими киммерийцами. Согласно мифологической традиции, киммерийцы локализовались на крайних рубежах ойкумены, на побережье Северного океана, что ассоциировалось с входом в подземное царство Аида, или с так называемым перевернутым миром, изначально связанным с «северной» топикой [Иванчик 2005: 156]. Схема северного ландшафта у Страбона (погруженная в туманы и покрытая густыми облаками страна, лишенная солнечного света, суровый климат, бедная растительность и т. п.) не только определяет оценку этого необычного места, но и связывает вход в Аид или царство смерти, где помещены гомеровские киммерийцы, с вполне историческими кимврами, кельтами, скифами, наделенными стереотипными признаками «странных северных» народов[27]. Представленные у Страбона описания ландшафтов Нормандии, полуострова Ютланд или северочерноморского побережья содержат достоверные свидетельства, тем не менее обращает на себя внимание удивительная однородность «северных» пассажей Страбона и повторяемость в них обязательных «общих мест», отсылок и аллюзий на мифологическую традицию, восходящую к Гомеру[28].

Пассаж о племени германских кимвров, которые населяют побережье Северного океана неподалеку от полуострова Ютланд, содержит сведения, восходящие к Посидонию: «…кимвры, как разбойничье и кочевое племя, совершали поход даже до области Меотиды; от них-то и Боспор получил название “Киммерийского”, как бы “Кимврского”, так как греки называли кимвров киммерийцами» (VII 2, 2 C 293)[29]. Известно, что впервые упомянутые в «Одиссее» гомеровские киммерийцы располагались у входа в потусторонний мир на побережье «глубокотекущего Океана» (Hom. Od. XI 13–22; ср. Eust. Ad Hom. Od. XI 14). Скорее всего из этого упоминания мифических киммерийцев у Гомера в более поздней культурной перспективе развилось и «кристаллизовалось» устойчивое представление об обитающих на самом краю ойкумены киммерийцах: так, Эфор, греческий автор IV в. до н. э., локализовал киммерийцев в юго-западной Италии (FGrHist 70 F 134 = Strabo V 4, 5 C 244)[30]; Ликофрон в «Александре» (II в. до н. э.) поместил их в италийских Кумах (Lyc. Alex.

[27] Ср. упомянутого выше Гераклида Понтийского, который идентифицировал кельтов с северными мифическими гиперборейцами (Plut. Cam. 22).

[28] Образ мрачной, лишенной солнечного света страны киммерийцев, настолько сильно отпечатался в сознании авторов позднего поколения, что, например, александрийские филологи Аристарх Самосский и Кратет из Малы, редактируя гомеровский текст (Od. XI 14), всерьез предлагали вместо «Киммерион» (Κιμμέριον) читать «Керберион» (Κερβέριον) — Schol. HPV Od. 14 [Pfeiffer 1968: 214 f., 239 f.; Diederich 2000]. Безусловно, мифологическая традиция сохранила в разных вариантах упоминания о входе в потусторонний мир, локализуемом на краю света, ср., например, упоминания о «земном затворе» (Γῆς Κλεῖθρον) на краю ойкумены недалеко от населяющих север народов (Plin. Hist. nat. VII 10) или о загадочных «скифских затворах» (Κλεῖθρα Σκυθῶν), которые преодолело войско Митридата на пути от Диоскуриады до Боспора (App. Mithr. 102).

[29] Ср. об отождествлении кимвров с киммерийцами: Diod. V 32; Plut. Mar. 11; см. также: [Lehman-Haupt 1921: 425].

[30] Ср. Call. h. III 252–254; подробнее: [Sistakou 2002: 151–152].

695). По-видимому, Посидоний в I в. до н. э. связал сведения о мифических киммерийцах в гомеровском пассаже, где говорилось о долгих ночах и мраке в северной стране, с германским племенем кимвров, населявших побережье Северного океана неподалеку от полуострова Ютланд[31]. Попытка Страбона (со ссылкой на Посидония) отождествить исторических кимвров с гомеровскими киммерийцами, по-видимому, опирается на чисто внешнее созвучие имен двух этнонимов и, бесспорно, лишена каких-либо историко-лингвистических оснований (ср.: [Иванчик 2005: 56, сн. 16]). Тем не менее этому отрывку Страбона присуща особая двойственность восприятия «северной» ипостаси: исторически достоверные кимвры, уподобленные в «Географии» гомеровским киммерийцам на северной окраине ойкумены, представляют для римлян потенциальную угрозу. В дальнейшем этот стереотип в изображении кимвров поддерживается у Страбона такими характеристиками, как привычка германского племени к разбойничьему образу жизни, ритуальные обычаи приносить в жертву пленников или поднимать во время боя невообразимый шум (VII 2, 3 C 294), что отличает северных варваров от цивилизованных римлян.

* * *

На примере нескольких пассажей из компиляции Страбона, посвященных описанию северного пространства ойкумены и населявших его племен кельтов, германцев и скифов, я стремилась показать, каким образом осуществлялась коммуникация риторических образов, стереотипов и «общих мест» у Страбона в контексте его описательной географии. Пропагандируемое августовским режимом предназначение Рима раздвинуть пределы империи до границ ойкумены нашло отражение и в «Географии» Страбона. Не ограничиваясь рамками историко-географического и литературного интереса, Страбон также привносит в повествовательную структуру элементы политической пропаганды, которая позволяет актуализировать культурную память и придать легитимность действиям Рима в отношении «варварской» периферии.

Литература

Грацианская 1988 — *Грацианская Л. И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1986 г. / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1988. С. 6–175.

Иванчик 2005 — *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин: Палеограф, 2005.

Aly 1957 — *Aly W.* Strabon von Amasia. Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographika (Strabonis *Geographica*. Vol. IV). Bonn: Habelt, 1957.

Barwick 1938 — *Barwick K.* Caesars Commentarii und das *Corpus Caesarianum.* Leipzig: Dieterich, 1938.

[31] FGrHist 87 F 31 = F 272 Ed.-Kidd = Strabo VII 2, 2 C 293–294, ср. Orph. Arg. 1119 ff. См. также: Diod. V 32; Plut. Mar. 11; Schol. Graeca ad Hom. Od. XI 17; Eust. Ad Hom. Od. X 86, 544. О гомеровских киммерийцах в мифологической традиции см.: [Dobesch 1995: 60 ff.].

Bellen 1985 — *Bellen H.* Metus gallicus — metus punicus. Zum Furchtmotiv in der römischen Republik. Stuttgart: Steiner, 1985.

Bömer 1953 — *Bömer F.* Der Commentarius. Zur Vorgeschichte und literarischen Form der Schriften Caesar // Hermes. Bd. 81. No. 2. 1953. S. 210–250.

Bornscheuer 1976 — *Bornscheuer L.* Topik. Zur Struktur der gesellschaftlichen Einbildungskraft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976.

Braund 2005a — *Braund D.* Greek geography and Roman empire: The transformation of tradition in Strabo's Euxine // Strabo's cultural geography: The making of a *Kolossourgia* / Ed. by D. Dueck, H. Lindsay, S. Pothecary. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. P. 216–234.

Braund 2005b — *Braund D.* Introduction // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century BC — First Century AD). Ed. by David Braund. Exeter: Univ. of Exeter Press. P. 1–12.

Bridgman 2005 — *Bridgman T. P.* Hyperboreans: Myth and history in Celtic-Hellenic contacts. London; New York: Routledge, 2005.

Clarke 1999 — *Clarke K.* Between geography and history: Hellenistic constructions of the Roman world. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.

Curtius 1948 — *Curtius E. R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern; München: Francke Verlag, 1948.

Diederich 2000 — *Diederich S.* Geographisches in Scholien und Kommentaren // Geographie und verwandte Wissenschaften / Hrsg. W. Hübner. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 209–226.

Dirkzwager 1975 — *Dirkzwager A.* Strabo über Gallia Narbonensis. Leiden: Brill, 1975.

Dobesch 1995 — *Dobesch G.* Das europäische "Barbaricum" und die Zone der Mediterrankultur. Ihre historische Wechselwirkung und das Geschichtsbild des Poseidonios. Wien: Holzhausen, 1995.

Dueck 2000 — *Dueck D.* Strabo of Amasia. A Greek man of letters in Augustan Rome. London; New York: Routledge, 2000.

Dueck 2003 — *Dueck D.* The Augustan concept of 'An empire without limits' // Göttinger Beiträge zur Asienforschung. Vols. 2–3. Göttingen: Peust und Gutschmidt, 2003. P. 211–227.

Dueck 2005 — *Dueck D.* Strabo's use of poetry // Strabo's cultural geography: The making of a *Kolossourgia* / Ed. by D. Dueck, H. Lindsay, S. Pothecary. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. P. 86–107.

Dueck 2010 — *Dueck D.* The geographical narrative of Strabo of Amasia // Geography and ethnography. Perceptions of the world in pre-modern societies / Ed. by K. A. Raaflaub, R. J. A. Talbert. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 236–251.

Engels 1999 — *Engels J.* Augusteische Oikumenegeographie und Universalhistorie im Werk Strabons von Amaseia. Stuttgart: Steiner, 1999.

Engels 2010 — *Engels J.* Strabo and the development of ancient Greek universal historiography // Historiae mundi. Studies in universal historiography / Ed. by P. Liddel, A. Fear. London: Duckworth, 2010. P. 71–86.

Engels 2013 — *Engels J.* Kulturgeographie im Hellenismus: Die Rezeption des Erathostenes und Poseidonios durch Strabon in der Geographika // Vermessung der Oikumene / Hrsg. K. Geus, M. Rathmann. Berlin: Walter de Greyter, 2013. S. 87–99. (Topoi; v. 14).

Galinsky 2014 — Memoria Romana: Memory in Rome and Rome in memory / Ed. by K. Galinsky. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2014. (Memoirs of the American Academy in Rome Supp. 10).

Galinsky, Lapatin 2015 — Cultural memories in the Roman empire / Ed. by K. Galinsky, K. Lapatin. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2015.

Giannini 1964 — *Giannini A.* Studi sulla paradossografia greca. Parte II. Da Callimaco all'età imperiale: la letteratura paradossografia // Acme. Annali della Facolta di Philosofiae Lettere dell' Universita Statale di Milano. Vol. 17. Fasc. 1. 1964. P. 99–140.

Hardie 2009 — *Hardie P. R.* Paradox and the marvellous in Augustan literature and culture. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.

Heldmann 1993 — *Heldmann K.* Sallust über die römische Weltherrschaft. Ein Geschichtsmodell im Catilina und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie. Stuttgart: Teubner, 1993.

Honigmann 1931 — *Honigmann E.* Strabon 3 // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / Hrsg. G. Wissowa. Bd. 4 A 1. Stuttgart: Metzler, 1931. Sp. 76–155.

Klotz 1910 — *Klotz A.* Caesarstudien: nebst einer Analyse der strabonischen Beschreibung von Gallien und Britannien. Leipzig: Teubner, 1910.

Kneppe 1994 — *Kneppe A.* Metus temporum: zur Bedeutung von Angst in Politik und Gesellschaft der römischen Kaiserzeit des 1. und 2. Jhdts. n. Chr. Stuttgart: Steiner, 1994.

Laqueur 1936 — *Laqueur R.* Timagenes // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / Hrsg. G. Wissowa. Bd. 6 A 1. Stuttgart: Metzler, 1936. Sp. 1063–1071.

Lausberg 1960 — *Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft. Bd. 2. München: Franz Steiner Verlag, 1960.

Lefèvre 2004 — *Lefèvre E.* Romidee und Romkritik bei Sallust und Vergil // Latein und Griechisch in Baden-Württemberg. Bd. 32. No. 1. *2004.* S. 11–20.

Lehman-Haupt 1921 — *Lehman-Haupt C. F.* Kimmerier // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 11 / Hrsg. G. Wissowa, W. Kroll. Stuttgart: Metzler, 1921. Sp. 425–434.

Lund 1990 — *Lund A. A.* Zum Germanenbild der Römer. Eine Einführung in die antike Ethnographie. Heidelberg: Winter, 1990.

Lund 1995 — *Lund A. A.* Die Erfindung der Germanen // Der Altsprachliche Unterricht. Bd. 38/2. 1995. S. 4–20.

Lund 1996 — *Lund A. A.* Caesar als Ethnograph // Der Altsprachliche Unterricht. Bd. 39/2. 1996. S. 12–23.

Lund 1998 — *Lund A. A.* Die ersten Germanen. Ethnizität und Ethnogenese. Heidelberg: Winter, 1998.

Lund 2001 — *Lund A. A.* Die Erfindung Germaniens und die Entdeckung Skandinaviens in Antike und Mittelalter // Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart / Ed. by A. Engel-Braunschmidt, G. Fouquet, W. von Hinden, I. Schmidt. Frankfurt am Main: Lang, 2001. S. 29–45.

Mastellone Iovane 1989 — *Mastellone Iovane E.* Paura e angoscia in Tacito. Implicazioni ideologiche e politiche. Napoli: Loffredo, 1989.

Nenninger 2001 — *Nenninger M.* Die Römer und der Wald. Untersuchungen zum Umgang mit einem Naturraum am Beispiel der römischen Nordwestprovinzen. Stuttgart: Steiner, 2001.

Nicolet 1988 — *Nicolet C.* L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain. Paris: Fayard, 1988.

Norden 1920 — *Norden E.* Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Leipzig; Berlin: B.G. Teubner, 1920.

Obermayer 1969 — *Obermayer A.* Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft // Jahrbuch des Wiener Goehte-Vereins. Bd. 73. 1969. S. 107–116.

Pajón Leyra 2011 — *Pajón Leyra I.* Entre ciencie y maravilla. El género literario de la paradoxografía griega. Zaragosa: Prensas Universitarias de Zaragoza, 2011. (Monografías de filología griega; 21).

Peyre 1970 — *Peyre Ch.* Tite-Live et la ‘férocité’ gauloise // Revue des Études Latines. T. 48. 1970. P. 277–296.

Pfeiffer 1968 — *Pfeiffer R.* History of classical scholarship from the beginnings to the end of the Hellenistic Age. Oxford: Clarendon Press. 1968.

Pöggeber 1978 — *Pöggeber O.* [Rezension. Bornscheuer L. Topik…] // Poetica. Zeitschrift für Sprache und Literaturwissenschaft. Bd. 10. 1978. S. 106–119.

Polito 2012 — *Polito R.* Caesar, the Germani, and Rome: Ethnography and politics in the *De Bello Gallico* // Hyperboreus: Классическая филология и история (СПб.). Vol. 18. Fasc. 1. 2012. P. 107–126.

Prontera 2016 — *Prontera F.* Strabo’s *Geography* // Brill’s companion to ancient geography / Ed. by S. Bianchetti, M. R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden: Brill, 2016. P. 239–258.

Rausch 2013 — *Rausch S.* Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2013. (Deutsches Archäologisches Institut, Euroasien-Abteilung).

Schepens, Delcroix 1996 — *Schepens G., Delcroix K.* Ancient paradoxography. Origin, evolution, production and reception // La letteratura di consumo nel mondo greco-latino: atti di convegno internazionale, Cassino, 14-17 settembre 1994 / Ed. by O. Pecere, A. Stramaglia. Cassino: Universita degli Studi di Cassino, 1996. P. 373–460.

Sherwin-White 1967 — *Sherwin-White A. N.* Racial prejudice in Imperial Rome. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1967.

Sistakou 2002 — *Sistakou E.* Kallimachos als Homererklärer: Das Beispiel der geographischen Namen // Wiener Studien. Bd. 115. 2002. S. 145–173.

Swain 1996 — *Swain S.* Hellenism and empire: Language, classicism, and power in the Greek world, AD 50–250. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996

Timpe 1968 — *Timpe D.* Der Triumph des Germanicus. Untersuchungen zu den Feldzügen der Jahre 14–16 n. Chr. in Germanien. Bonn: Habelt, 1968.

Timpe 1995 — *Timpe D.* Romano-germanica: Gesammelte Studien zur *Germania* des Tacitus. Stuttgart: Teubner, 1995.

Timpe 2006 — *Timpe D.* Römisch-germanische Begegnung in der späten Republik und frühen Kaiserzeit: Voraussetzungen, Konfrontationen, Wirkungen; gesammelte Studien. München: Saur, 2006.

Thollard 1987 — *Thollard P.* Barbarie et civilization chez Strabon: Étude critique des livres III et IV de la Géographie. Paris: Les Belles Lettres, 1987.

Veit 1963 — *Veit W.* Toposforschung. Ein Forschungsbericht // Deutsche Viertel-Jahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Bd. 37. No. 1. 1963. S. 120–163.

Vliet van der 2003 —*Vliet E. Ch. L van der.* Review. Engels J. Augusteische Oikumenegeographie und Universalhistorie im Werk Strabons von Amaseia. Stuttgart, 1999 // Mnemosyne. Vol. 56. Fasc. 4. 2003. S. 501–504.

West 2002 — *West S.* Scythians // Brill’s companion to Herodotus / Ed. by E. J. Bakker, I. J. F. de Jong, H. van Wees. Leiden: Brill, 2002. P. 437–456.

Williams 2001 — *Williams J. H. C.* Beyond the Rubicon. Romans and Gauls in Republican Italy. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.

Wolff-Rüdiger 1975 — *Wolff-Rüdiger H.* Die Furcht als politisches Phänomen bei Tacitus. Amsterdam: Grüner, 1975.

The rhetoric of the North and Strabo's imperial ethnogeography

Ilyushechkina, Ekaterina V.
PhD
Associate Professor, Senior Researcher,
School of Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo 82
Tel.: +7 (495) 433-25-62
E-mail: ilyushechkinae@gmail.com

Abstract. Strabo's *Geography* is one of the first historical sources which demonstrate the process of construction of "northern" stereotypes in the Roman Empire. On the one hand, it is a compendium of previous geo-political theories, and, on the other hand, Strabo's method of compilation corresponds to the political tendencies of the Augustan age. The term "North" refers to the geo-ethnological areas that are northern from a "Mediterranean" point of view: starting from Gaul and ranging through Germania up to the northern coast of the Black Sea. The article argues that Strabo's "northern stereotypes" not only answered the political interests of the Augustan age and in some way influenced certain discourses, but were also used as an instrument of imperial ideology for enhancing the legitimacy of Roman power.

Keywords: Strabo, geography, politics, rhetoric, ancient North

References

Aly, W. (1957). *Strabon von Amasia. Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographika (Strabonis Geographica,* Vol. IV). Bonn: Habelt. (In German).

Barwick, K. (1938). *Caesars Commentarii und das Corpus Caesarianum*. Leipzig: Dieterich. (In German).

Bellen, H. (1985). *Metus gallicus — metus punicus. Zum Furchtmotiv in der römischen Republik*. Stuttgart: Steiner. (In German).

Bömer, F. (1953). Der Commentarius. Zur Vorgeschichte und literarischen Form der Schriften Caesar. *Hermes, 81*(2), 210–250. (In German).

Bornscheuer, L. (1976). *Topik. Zur Struktur der gesellschaftlichen Einbildungskraft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In German).

Braund, D. (2005a). Greek geography and Roman Empire: The transformation of tradition in Strabo's Euxine. In D. Dueck, H. Lindsay, S. Pothecary (Eds.). *Strabo's cultural geography. The making of a Kolossourgia*, 216–234. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Braund, D. (Ed.) (2005b). Introduction. In D. Braund (Ed.). *Scythians and Greeks. Cultural interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first century AD)*, 1–12. Exeter: Univ. of Exeter Press.

Bridgman T. P. (2005). *Hyperboreans: Myth and history in Celtic-Hellenic contacts.* London; New York: Routledge.

Clarke, K. (1999). *Between geography and history: Hellenistic constructions of the Roman world.* Oxford: Oxford Univ. Press.

Curtius, E. R. (1948). *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter.* Bern; München: Francke Verlag. (In German).

Diederich, S. (2000). Geographisches in Scholien und Kommentaren. In W. Hübner (Ed.). *Geographie und verwandte Wissenschaften*, 209–226. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. (In German).

Dirkzwager, A. (1975). *Strabo über Gallia Narbonensis*. Leiden: Brill. (In German).

Dobesch, G. (1995). *Das europäische "Barbaricum" und die Zone der Mediterrankultur. Ihre historische Wechselwirkung und das Geschichtsbild des Poseidonios*. Wien: Holzhausen. (In German).

Dueck, D. (2000). *Strabo of Amasia. A Greek man of letters in Augustan Rome.* London; New York: Routledge.

Dueck, D. (2003). The Augustan concept of 'An empire without limits'. *Göttinger Beiträge zur Asienforschung* (Vols. 2–3), 211–227. Göttingen: Peust und Gutschmidt. (In German).

Dueck, D. (2005). Strabo's use of poetry. In D. Dueck, H. Lindsay, S. Pothecary (Eds.). *Strabo's cultural geography: The making of a Kolossourgia*, 86–107. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Dueck, D. (2010). The geographical narrative of Strabo of Amasia. In K. A. Raaflaub, R. J. A. Talbert (Eds.). *Geography and ethnography: Perceptions of the world in pre-modern societies*, 236–251. Oxford: Wiley-Blackwell.

Engels, J. (1999). *Augusteische Oikumenegeographie und Universalhistorie im Werk Strabons von Amaseia*. Stuttgart: Steiner. (In German).

Engels, J. (2010). Strabo and the development of ancient Greek universal historiography. In P. Liddel, A. Fear (Eds.). *Historiae mundi. Studies in universal historiography*, 71–86. London: Duckworth.

Engels, J. (2013). Kulturgeographie im Hellenismus: Die Rezeption des Erathostenes und Poseidonios durch Strabon in der Geographika. In K. Geus, M. Rathmann (Eds.). *Vermessung der Oikumene*, 87–99. Berlin: Walter de Greyter. (Topoi; v. 14). (In German).

Galinsky, K. (Ed.) (2014). *Memoria Romana: Memory in Rome and Rome in memory.* Ann Arbor: Univ. of Michigan Press. (Memoirs of the American Academy in Rome Supp. 10).

Galinsky, K., Lapatin, K. (Eds.) (2015). *Cultural memories in the Roman empire.* Los Angeles: J. Paul Getty Museum.

Giannini, A. (1964). Studi sulla paradossografia greca. Parte II. Da Callimaco all'età imperiale: la letteratura paradossografia. *Acme. Annali della Facolta di Philosofiae Lettere dell' UniversitaStatale di Milano, 17*(1), 99–140. (In Italian).

Gratsianskaia, L. I. (1988). "Geografiia" Strabona. Problemy istochnikovedeniia [Strabo's *Geography*. Problems of source study]. In A. P. Novosel'tsev (Ed.). *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR: Materialy i issledovaniia. 1986 g.* [The oldest states on the territory of the USSR. Materials and studies. 1986], 6–175. Moscow: Nauka. (In Russian).

Hardie, P. R. (2009). *Paradox and the marvellous in Augustan literature and culture.* Oxford: Oxford Univ. Press.

Heldmann, K. (1993). *Sallust über die römische Weltherrschaft. Ein Geschichtsmodell im Catilina und seine Tradition in der hellenistischen Historiographie*. Stuttgart: Teubner. (In German).

Honigmann, E. (1931). Strabon 3. In G. Wissowa (Ed.). *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung* (Vol. 4 A 1), col. 76–155. Stuttgart: Metzler. (In German).

Ivanchik, A. I. (2005). *Am Vorabend der Kolonisation: das nördliche Schwarzmeergebiet und die Steppennomaden des 8.-7. Jhs. v. Chr. in der klassischen Literaturtradition: Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte.* Berlin, Moskau: Paleograf. (In Russian).

Klotz, A. (1910). *Caesarstudien: nebst einer Analyse der strabonischen Beschreibung von Gallien und Britannien*. Leipzig: Teubner. (In German).

Kneppe, A. (1994). *Metus temporum: zur Bedeutung von Angst in Politik und Gesellschaft der römischen Kaiserzeit des 1. und 2. Jhdts. n. Chr*. Stuttgart: Steiner. (In German).

Laqueur, R. (1936). Timagenes. In G. Wissowa (Ed.). *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung* (Vol. 6 A 1), col. 1063–1071. Stuttgart: Metzler. (In German).

Lausberg, H. (1960). *Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft* (Vol. 2). München: Franz Steiner Verlag. (In German).

Lefèvre, E. (2004). Romidee und Romkritik bei Sallust und Vergil. *Latein und Griechisch in Baden-Württemberg, 32*(1), 11–20. (In German).

Lehman-Haupt, C. F. (1921). Kimmerier. In G. Wissowa, W. Kroll (Eds.). *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* (Vol. 11), col. 425–434. Stuttgart: Metzler. (In German).

Lund, A. A. (1990). *Zum Germanenbild der Römer. Eine Einführung in die antike Ethnographie*. Heidelberg: Winter. (In German).

Lund, A. A. (1995). Die Erfindung der Germanen. *Der Altsprachliche Unterricht, 38/2*, 4–20. (In German).

Lund, A. A. (1996). Caesar als Ethnograph. *Der Altsprachliche Unterricht, 39/2*, 12–23. (In German).

Lund, A. A. (1998). *Die ersten Germanen. Ethnizität und Ethnogenese*. Heidelberg: Winter. (In German).

Lund, A. A. (2001). Die Erfindung Germaniens und die Entdeckung Skandinaviens in Antike und Mittelalter. In A. Engel-Braunschmidt, G. Fouquet, W. von Hinden, I. Schmidt (Eds.). *Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart*, 29–45. Frankfurt am Main: Lang. (In German).

Mastellone Iovane, E. (1989). *Paura e angoscia in Tacito. Implicazioni ideologiche e politiche*. Napoli: Loffredo. (In Italian).

Nenninger, M. (2001). *Die Römer und der Wald. Untersuchungen zum Umgang mit einem Naturraum am Beispiel der römischen Nordwestprovinzen.* Stuttgart: Steiner. (In German).

Nicolet, C. (1988). *L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain*. Paris: Fayard. (In French).

Norden, E. (1920). *Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania*. Leipzig; Berlin: B. G. Teubner. (In German).

Obermayer, A. (1969). Zum Toposbegriff der modernen Literaturwissenschaft. *Jahrbuch des Wiener Goethe-Vereins, 73*, 107–116. (In German).

Pajón Leyra, I. (2011). *Entre ciencia y maravilla. El género literario de la paradoxografía griega.* Zaragosa: Prensas Universitarias de Zaragoza. (Monografías de filología griega; 21). (In Spanish).

Peyre, Ch. (1970). Tite-Live et la 'férocité' gauloise. *Revue des Études Latines, 48*, 277–296. (In French).

Pfeiffer, R. (1968). *History of classical scholarship from the beginnings to the end of the Hellenistic Age*. Oxford: Clarendon Press.

Pöggeber, O. (1978). [Review of: Bornscheuer L. Topik…]. *Poetica. Zeitschrift für Sprache und Literaturwissenschaft, 10*, 106–119. (In German).

Polito, R. (2012). Caesar, the Germani, and Rome: Ethnography and Politics in the *De Bello Gallico*. *Hyperboreus: Studia Classica, 18*(1), 107–126. (In English).

Prontera, F. (2016). Strabo's *Geography*. In S. Bianchetti, M. R. Cataudella, H.-J. Gehrke (Eds.). *Brill's companion to ancient geography*, 239–258. Leiden: Brill.

Rausch, S. (2013). *Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus.* Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern. (Deutsches Archäologisches Institut, Euroasien-Abteilung). (In German).

Schepens, G., Delcroix, K. (1996). Ancient paradoxography. Origin, evolution, production and reception. In O. Pecere, A. Stramaglia (Eds.). *La letteratura di consumo nel mondo greco-latino: atti di convegno internazionale, Cassino, 14-17 settembre 1994,* 373–460. Cassino: Università degli Studi di Cassino.

Sherwin-White, A. N. (1967). *Racial prejudice in Imperial Rome*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Sistakou E. (2002). Kallimachos als Homererklärer: Das Beispiel der geographischen Namen. *Wiener Studien 115*. 145–173.

Swain, S. (1996). *Hellenism and empire: Language, classicism, and power in the Greek world, AD 50–250*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Timpe, D. (1968). *Der Triumph des Germanicus. Untersuchungen zu den Feldzügen der Jahre 14–16 n. Chr. in Germanien*. Bonn: Habelt. (In German).

Timpe, D. (1995). *Romano-germanica: Gesammelte Studien zur Germania des Tacitus.* Stuttgart: Teubner. (In German).

Timpe, D. (2006). *Römisch-germanische Begegnung in der späten Republik und frühen Kaiserzeit: Voraussetzungen, Konfrontationen, Wirkungen; gesammelte Studien*. München: Saur. (In German).

Thollard, P. (1987). *Barbarie et civilization chez Strabon: Étude critique des livres III et IV de la Géographie.* Paris: Les Belles Lettres. (In French).

Veit, W. (1963). Toposforschung. Ein Forschungsbericht. *Deutsche Viertel-Jahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte, 37*(1), 120–163. (In German).

Vliet, E. Ch. L. van der. (2003). Review. Engels J. Augusteische Oikumenegeographie und Universalhistorie im Werk Strabons von Amaseia. Stuttgart, 1999. *Mnemosyne, 56*(4), 501–504. (In German).

West, S. (2002). Scythians. In E. J. Bakker, I. J. F. de Jong, H. van Wees (Eds.). *Brill's companion to Herodotus,* 437–456. Leiden: Brill.

Williams, J. H. C. (2001). *Beyond the Rubicon. Romans and Gauls in Republican Italy.* Oxford: Oxford Univ. Press.

Wolff-Rüdiger, H. (1975). *Die Furcht als politisches Phänomen bei Tacitus*. Amsterdam: Grüner. (In German).

To cite this article:

Ilyushechkina, E. V. (2017). Ritorika severa i imperskaia etnogeografiia Strabona [The rhetoric of the North and Strabo's imperial ethnogeography]. *Shagi / Steps, 3*(4), 168–187. (In Russian).

Received September 8, 2017